

УПРАВЛЕНИЕ ПРИРОДООХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ: ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ. ЧАСТЬ 2

Г. А. Фоменко, Доктор географических наук,
профессор, АНО научно-исследовательский
проектный институт «Кадастр»;
Ярославский государственный технический
университет, info@nikipik.ru,
Ярославль, Россия

Статья посвящена проблеме повышения эффективности деятельности в области охраны окружающей среды через «настройку» природоохранных институтов на цели устойчивого развития (ЦУР) с учетом социокультурных особенностей территорий. С использованием инструментария экономической и социальной географии рассматриваются проблемы импортирования природоохранных институтов в различных историко-географических условиях. Сопреженный анализ эволюции формальных и неформальных природоохранных институтов, с использованием предложенной автором поведенческой модели «человека ответственного», позволила выявить социокультурно обусловленный коридор институциональных изменений в управлении природоохранной деятельностью и наиболее значимые направления его расширения.

На основании анализа эволюции природоохранных институтов показано, как на протяжении веков увеличивался масштаб природоохранного регулирования, развивались и усложнялись интегрированные в территориальные институциональные системы природоохранные институты. Анализ институциональных изменений в управлении природоохранной деятельностью на примере России показал, что начиная с мезолита и по мере глобализации экологических проблем и усложнения человеческой цивилизации наблюдается расширение масштабов и спектра использования природных ресурсов и экосистемных услуг, а также нарастание экологических рисков и угроз глобальных экологических катастроф.

В статье отмечено, что реализация глобальных целей устойчивого развития в России предполагает разработку и применение новых природоохранных институтов и соответствующих показателей их результативности на всех уровнях территориальной организации. Импорт же природоохранных институтов из опыта других стран, собственной истории или теории в краткосрочной перспективе будет ограничен рамками социокультурно-обусловленного институционального коридора. Для природоохранной деятельности такими институциональными ограничениями объясняется доминирование в современных

Пятый период, к которому мы, очевидно подошли, *связан с институциональными изменениями вследствие ускорения технического прогресса, усложнения общества и возрастания глобальных экологических угроз*. Живой организм, тем более человек или общество, постоянно находятся в обстановке внешних и внутренних угроз, которые не имеют драматических последствий до тех пор, пока субъект успешно с ними справляется; а риск — вероятность возрастания опасности при определенных действиях или при бездействии [1]. Наибольшее беспокойство сегодня вызывают риски, связанные с экстремальными погодными явлениями, стихийными бедствиями и деградацией окружающей среды [2]. Если даже предположить, что большинство из них потенциально устранимы через широкое распространение новых технологий, то каждая технология несет с собой новые риски [3]. Одна из причин такой ситуации заключается в запаздывающем осознании новых угроз и риски ограничиваются лишь тогда, когда общество адаптируется к ним культурно и психологически. Результатом стало отставание методов государственного регулирования от темпов технологического развития [4].

Сегодня это глобальная проблема и следует согласиться с А. П. Назаретяном, что сама возможность позитивной управленческой реакции на осознание возрастания глобальных угроз связана со смыслообразованием [5]. В нашем случае — *способен ли разум освоить новые стратегические смыслы глобальной экологической безопасности*. Отчетливо прослеживается крепнущее убеждение аналитиков в том, что ядро глобальной природоохранной проблематики сегодня составляют социокультурные факторы, включающие содержание мировоззрения, характер мышления, доминирующую систему ценностей и норм. К основным стратегическим смыслам глобальной экологической безопасности в XXI веке следует отнести следующие.

Во-первых, потребность в широком распространении этики «ответственности». Любая практическая человеческая деятельность ориентирована на осуществление перехода из

условиях контрольно-административных методов государственного управления (административный запрет на развитие грязных производств, бюджетные программы ликвидации экологического ущерба и т.п.).

Сложившаяся в России институциональная ситуация с позиций реализации ЦУР формирует потребность в целенаправленном системном «тонком» расширении институционального коридора будущих изменений. В этом контексте в статье показана важность развития механизмов стратегического пространственного планирования и проектирования на устойчивой основе и с применением полной экономической ценности, инструмента частно-государственного партнерства для повышения заинтересованности бизнеса и местных сообществ в реализации ЦУР с минимальными экономическими и социальными издержками. Это не реализуемо без соответствующего информационно-аналитического обеспечения, предполагающего разработку и использование показателей природно-экономического учета.

The article is devoted to the issue of increasing the efficiency of environmental activities through the change of orientation of environmental institutions to the sustainable development goals (SDGs), taking into account the socio-cultural features of territories. The issues of importing environmental institutions in different historical and geographical conditions using the tools of economic and social geography are considered in the article. The combined analysis of the evolution of formal and non-formal environmental institutions, using the behavioral model of "a responsible human" proposed by the author, revealed socio-culturally determined boundaries of institutional changes in environmental management and the most significant possibilities for their expansion.

The analysis of the evolution of environmental institutions showed the widening of the scope of environmental regulation over the centuries, the development and added complexity of environmental institutions integrated into territorial institutional systems. The analysis of institutional changes in environmental management in Russia showed that starting with the Mesolithic period, in the course of globalization of environmental problems and increasing complexity of human civilization, there has been an increase in the range and scope of the use of natural resources and ecosystem services, as well as an increase in environmental risks and threats of global environmental disasters.

The article underlines that the implementation of the global sustainable development goals in Russia involves the development and application of new environmental institutions and relevant indicators of their performance at all levels of territorial organization. The import of environmental institutions from other countries, from the particular history or theory will be limited by the socio-cultural institutional boundaries in the short term. Regarding environmental activities such institutional boundaries explains the dominance of control and administrative methods of public administration in modern conditions (administrative ban on the development of dirty industries, budget programs for the elimination of environmental damage, etc.).

The institutional situation in Russia concerning the implementation of the SDGs requires a targeted systemic "subtle" expansion of the institutional boundaries of future changes. In this context, the article shows the importance of developing mechanisms for strategic spatial planning and design on a sustainable basis using full economic value, public-private partnership for increasing the interest of business and local communities in the implementation of the SDGs with minimal economic and social costs. This is not feasible without the appropriate information and analytical support, involving the development and use of the indicators of environmental-economic accounting.

Ключевые слова: устойчивое развитие, институциональная и эволюционная география, природные ресурсы, экосистемные услуги, территориальные институциональные матрицы, природоохранные институты, категория ответственности.

Keywords: sustainable development, institution- and evolution-based geography, natural resources, ecosystem services, territorial institutional matrix, environmental institutions, category of responsibility.

прошлого в будущее, рационального с точки зрения людей, принимающих решения; и человеческую солидарность и смыслообразующие мотивации предстоит выстраивать на осознании своей глобальной ответственности за выживание человечества (responsibility). Экологическая этика, согласно Х. Йонасу, должна стать «этикой, ориентированной на будущее» (Zukunftsethik): сегодня необходимы «дальновидность прогнозов, широта взятой ответственности (перед всем будущим человечеством) и глубина замыслов (вся будущая сущность человека), и... серьезное овладение властью техники...». По мнению Х. Йонаса, такой императив должен начинаться следующим образом: «Действуй так, чтобы последствия твоих действий были совместимы с прочностью человеческого существования» [6]. Поэтому для понимания генезиса природоохранных институтов и эволюции институциональных изменений в управлении природоохранной деятельности целесообразно использование модели «человека ответственного» (предложена автором в 2004 году) [7].

Этика ответственности тем более необходима, поскольку «человек ответственный» готов уделять особое внимание средствам реализации целей и полностью отвечать за те последствия своих действий, которые должен или мог предвидеть [8]. Понимание ответственности зависит от понимания свободы: свобода — одно из условий ответственности, ответственность — одно из проявлений свободы [9]. Ответственность — это ни в коем случае не абсолютизация покорности (рабы не могут быть ответственными); но свобода — это и не «вольница» от соблюдения законов, норм и правил. Заметим, что сама возможность ответственности человека по сути игнорируется и в бихевиоризме Б. Скиннера, Смита и др. [10—13], и в модели «человека административного» Л. Маллинза [14], поскольку свобода начинается там, где человек сознательно ограничивает себя, в нашем случае, с экологических позиций. В последнем Докладе Римского клуба (2018) авторы отметили неизбежность появления глобальных правил, обязательных для всех стран. Отдельные государства не вправе делать все, что им заблагорассудится, тем более, когда речь идет о последствиях, затрагивающих целую планету [15]. Поэтому ключевая точка Доклада — идея «нового Просвещения», фундаментальной трансформации мышления, результатом которой должно стать целостное мировоззрение — гуманистическое, но свободное от антропоцентризма, открытое развитию, но ценящее устойчивость и заботящееся о будущем.

Во-вторых, предстоит трудный отказ от привычного фактора сплочения перед образом внешнего врага — соседа на планете Земля, заменив его образом общего дела по снижению риска глобальной

экологической катастрофы. Поиск такого согласия предполагает сложнейшую корректировку мировоззренческих подходов, осознание многовариантности будущего, многообразия форм рациональности природопользования, которые предполагают новый синтез знаний о Природе и Человеке в контексте признания возрастания рисков глобальной экологической катастрофы. Возрастает значение межкультурного диалога по единым экологическим ценностям и их институционализации (например, в Хартии Земли), а также гармонизации целевых приоритетов развития стран и народов с глобальной повесткой выживаемости человечества. Примечательно, что на прошедшем в июне 2012 года в Рио-де-Жанейро крупнейшем в истории ООН Саммите по устойчивому развитию «Рио+20» президент-учредитель Международного Зеленого Креста¹ М. С. Горбачев назвал концепцию устойчивого развития (УР) единственно возможной, позволяющей избежать риска глобальной войны².

В-третьих, признание в качестве исходной позиции институциональных изменений концепции «полного мира» предложенного Г. Дейли [16] — мира, заполненного до краев, с весьма смутными перспективами дальнейшего расширения границ. Человеческая цивилизация сформировалась в условиях «пустого мира» — мира неизведанных территорий и избытка ресурсов. Превалирующие религии, идеологии, социальные институты, привычки мышления все еще коренятся в нем. Если и далее продолжать жить по этим правилам, коллапс не заставит долго ждать [15]. Такой мировоззренческий подход опирается на системную концепцию жизни (А. Богданов, Л. фон Берталанфи, И. Пригожин, У. Матурана и Ф. Варела, Ф. Капра, П. Г. Кузнецов, Н. Н. Моисеев и др.). В ней акцентируется внимание на сложности «системных» взглядов; также получили развитие новые ключевые понятия: самоорганизация, сети социальных связей, системное понимание развития и др. [17]. Такая философско-методологическая позиция не позволяет считать человека существом, случайно «выпавшим» из окружающей природы и даже ставшим ее природным врагом;

¹ Международная экологическая организация Международный Зеленый Крест (МЗК) была создана 8 апреля 1993 года. Ее основателем является бывший президент СССР и нобелевский лауреат мира Михаил Горбачев. МЗК является «рабочей альтернативой» Международного Красного креста с той разницей, что организация занимается проблемами экологии, а не медицины.

² Для автора было честью принимать участие в работе Саммита «Рио+20».

приобретает смысл системный, территориальный подход к пониманию экологических проблем.

В соответствии с системной концепцией Жизни, любая территориальная институциональная система может быть описана как замкнутая сеть, открытая, однако, потоку энергии и ресурсов. В сетевой структуре связаны природоохранные институты всех уровней территориальной организации: от глобального до локального. Каждая отдельная территориальная институциональная система может рассматриваться как своеобразный «связующий паттерн» по Г. Бэйтсону, тем самым выполняя роль системообразующего и структурирующего ядра институциональных территориальных систем. Глобальная система природоохранных институтов как сетевая структура (пускай еще и в недостаточно структурированном виде) постепенно складывается из схожих, но в то же время различающихся, в зависимости от широко понимаемых географических условий, институциональных систем территорий разного уровня (страны, регионы, локальные территории).

Устойчивые паттерны производства и потребления должны стать циклическими, максимально подобными циклическим процессам в природе [17], где должны измеряться не объекты, а взаимоотношения, в первую очередь, связи между экологией и экономикой на всех уровнях территориальной организации. Такую экономику назвали «зеленой» экономикой. Наиболее распространенное ее определение сформулировано ЮНЕП: «зеленой» является такая экономика, которая приводит к повышению благосостояния людей и укреплению социальной справедливости при одновременном существенном снижении рисков для окружающей среды и дефицита экологических ресурсов»³.

В-четвертых, повышение внимания к категории долженствования⁴, важнейшей для проектирования будущего⁵ в связи с принятием впервые в истории глобальных целей устойчивого разви-

³ <http://www.uncsd2012.org/rio20/index.php?menu=14>

⁴ Долженствование по Канту, определение воли с помощью иной воли, т.е. определение побуждаемой воли с помощью сверхэмпирических нравственных норм, с помощью категорического императива. Согласно современной этике, воля, определяемая с помощью чужой воли, не является свободной, а следовательно и волей вообще. Несвободно осуществляемое действие не имеет этического значения [18].

⁵ Существует много определений термина «проектирование»; чаще всего под «проектированием» подразумевают практическую деятельность, направленную на удовлетворение новых потребностей людей. Слово «проект» еще применяется в значении «программа», «план действий» (авт.).

тия (ЦУР)⁶ и необходимостью их имплементации на всех уровнях территориального управления⁷. Это предполагает повышение роли телеологического метода познания (наряду с другими методами) в изучении путей гармонизации отношений в системе взаимодействий «Общество — Природа». С таких позиций цели охраны окружающей среды представляют собой ориентиры, на которые направлена или будет направлена природоохранная деятельность, а их определение в единой иерархической системе целей представляет собой важнейший элемент планирования институциональных природоохранных изменений. Природоохранные цели, как и любые цели, либо открыто провозглашаются, либо неявно подразумеваются и проявляются через стандарт поведения. Несовпадение целей обуславливает возникновение телеологических конфликтов, снижение интенсивности которых требует дополнительных транзакционных издержек, что в отдельных случаях может заблокировать саму природоохранную деятельность [19].

Проектирование природоохранных институтов в составе территориальных институциональных систем предполагает разработку соответствующих показателей на основе специального, целеориентированного синтеза естественных, гуманитарных и технических знаний. По нашему мнению, базовая методология **системного природно-экономического учета** (СПЭУ — System of Environmental-Economic Accounting) [20] представляет собой наиболее удачную платформу для этого. В книге «Эколого-экономический учет в рациональном природопользовании» [21] авторами были показаны основные тенденции такого синтеза в направлении гуманизации оценок экосистемных услуг и создания дополнительных социокультурных измерений для понимания, прочтения полученных результатов измерений и выработки рекомендаций по целесообразным институциональным преобразованиям в природоохранной сфере.

В-пятых, принятие неизбежности многообразия подходов к саморазвитию стран и народов [22] при реализации глобальных ЦУР. Предстоит найти возможности сделать *экологичными* тер-

риториальные институциональные системы обществ, находящиеся на различных этапах технологической модернизации, существующих и эволюционирующих в различных географических и культурных условиях. Институциональные характеристики территорий являются основой дифференцированного применения природоохранных институтов (неформальных и формальных), а учет социокультурных особенностей в управлении природоохранной деятельностью целесообразен на основе применения специальной группы механизмов инструментального регулирования, ориентированных на управление конфликтами, которые возникают при импортировании природоохранных институтов [7]. Поэтому в условиях экономической глобализации повышается значение локального уровня управления природоохранной деятельностью, возрастает роль местных стратегий и планов действий, ориентированных на минимизацию издержек, которые возникают в результате импорта унифицированных природоохранных институтов, инициированного на федеральном уровне; на региональном уровне управления природоохранной деятельностью усиливаются координирующие функции.

Нарастающее коммуникационное сжатие пространства повышает возможности импорта институтов из опыта зарубежных стран. Это существенно увеличивает риски конфликтов с неформальными институтами на территориях с различными социокультурными условиями, поскольку культурные индексы изменяются весьма медленно (хотя в последнее время наблюдается ускорение темпов их корректировки)⁸. Для определения социокультурно обусловленного коридора возможных институциональных изменений полезен инструмент этнометрии. Наибольшее распространение среди таких методик получили подходы, предложенные Г. Хофстеде, которого заслуженно считают основоположником этнометрии, в дальнейшем развитие Р. Инглхартом, Р. Хоузом и др. [23—26]. Инструментарий этнометрии (шесть культурных индексов Г. Хофстеде с дополнением предложенным автором индексом «стабильность прав собственности» [27]) позволяет измерять влияние социокультурных факторов на развитие

⁶ Новая повестка и Цели устойчивого развития приняты на Конференции ООН в сентябре 2015 г.

⁷ Распоряжением Правительства Российской Федерации от 23.09.2017 № 2033-р Федеральный план статистических работ дополнен подразделом 2.8 «Показатели достижения целей устойчивого развития Российской Федерации», в который вошли 90 показателей достижения целей устойчивого развития в Российской Федерации.

⁸ Например, представления людей о развитии общества в Южной Корее, обладающей одной из наиболее динамичных экономик в мире, сегодня весьма отличаются от ситуации в Северной, хотя еще немногим более полувека назад это было единое общество. Поведенческие установки жителей Федеративной Республики Германии сегодня существенно отличаются от Германии начала XX века.

природоохранных институтов и территориальных институциональных систем.

Выводы и дискуссия

Таким образом, по мере глобализации экологических проблем и усложнения человеческой цивилизации наблюдается ускоряющееся расширение масштабов и спектра использования природных ресурсов и экосистемных услуг, следовательно, и нарастание экологических угроз. Соответственно на протяжении веков, как риск рефлексия, развивались и усложнялись природоохранные институты, интегрированные в территориальные институциональные системы; увеличивался масштаб природоохранного регулирования — от общинного до глобального.

Происходящие экологические изменения последних десятилетий с позиций выживания и устойчивого развития человечества столь стремительны, что институциональные системы большинства стран мира оказались неэффективными. Причина в том, что возрастание значения глобальных экологических рисков не создало новые стратегические смыслы безопасности, которые предполагают человеческую солидарность и смыслообразующие мотивации к осознанию глобальной ответственности за выживание человечества, что выражается в экологической политике; ориентацию на образ общего дела по снижению риска глобальной экологической катастрофы; повышение значения категории должествования, важнейшей для проектирования будущего с позиции «полного мира»; принятие многообразия подходов к саморазвитию стран и народов [22] при реализации глобальных ЦУР.

Анализ институциональных изменений в управлении природоохранной деятельностью на примере России показал его существенную зависимость от эволюции развития территориальных институциональных систем и географически обусловленных социокультурных особенностей территорий. В России в процессе эволюции институциональных изменений в управлении природоохранной деятельностью отчетливо выделяются четыре основных исторических периода развития природоохранных институтов, в настоящее время страна, как и все человечество, очевидно подошла к новому институциональному переходу.

Реализация глобальных ЦУР в рамках сложившейся институциональной системы России влечет за собой разработку и применение новых природоохранных институтов. Однако исследование зависимости возможного коридора будущих институциональных изменений от про-

денного пути «path dependency» показывает, что изменения институциональной системы России в краткосрочной перспективе следует ожидать в рамках последовательной модернизации однополюсной модели власти без существенного изменения базовой институциональной матрицы. Следовательно, развитие природоохранных институтов будет в своей основе обусловлено этой моделью, что предполагает доминирование контрольно-административных методов управления природоохранной деятельностью: предельная форма — действенный силовой запрет на развитие грязных производств и бюджетные программы по ликвидации прошлого ущерба, наряду со сложностью применения экономических механизмов природопользования, в т. ч. компенсации нанесенного экологического ущерба. Такой подход экономически весьма затратен, поскольку ориентирован преимущественно на государственное администрирование и слабо стимулирует инициативу и инновационную деятельность в природоохранной сфере [28].

Институциональные модели не являются вечными, хотя их изменение предполагает значительные длительные целенаправленные усилия со стороны элит для системного «тонкого» последовательного расширения коридора намечаемых институциональных изменений. В настоящее время для России наиболее актуально применение природоохранных институтов, связанных с экомодернизацией, без чего сложно говорить о конкурентоспособности страны в XXI веке и привлечении «зеленых» инвестиций. В этом аспекте целесообразно активизировать обсуждение механизмов стратегического территориального экологического планирования и проектирования, применения инструмента частно-государственного партнерства для повышения заинтересованности бизнеса и местных сообществ в реализации ЦУР с минимальными экономическими и социальными издержками.

Важнейшую роль играет создание соответствующего информационно-аналитического обеспечения, предполагающее разработку и использование показателей экологической эффективности экономики на платформе системы природно-экономического учета (СПЭУ) [20]. Не менее важно активизировать природоохранное пространственное институциональное проектирование, без которого многие решения разработанные в планах и программах развития территорий, останутся благими пожеланиями. В этом контексте следует сконцентрировать внимание на мерах по увеличению реального временного диапазона природоохранного планирования, в первую очередь

лицами, принимающими решения в сфере природопользования, а также на снижение уровня мускулинности современного общества [27].

На стадии нового институционального перехода следует опираться на лучший международный опыт реализации ЦУР, учитывая при этом социокультурные условия страны и населяющих ее народов. Конечно, здесь требуется расширение междисциплинарных исследований институцио-

нальных изменений в управлении природоохранной деятельностью и их зависимости от социокультурных особенностей. Географическая наука в значительной мере готова к восприятию этих изменений, поскольку география — одновременно и естественная и общественная наука, обладающая столь необходимым в данном случае комплексным подходом к природным и социально-экономическим явлениям.

Библиографический список

1. Назаретян А. П. Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании. — М.: Аргмак-Медиа, 2017.
2. The Global Risks Report 2018, 13th Edition, is published by the World Economic Forum. — Geneva, 2018. — 68 p.
3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с.
4. OECD (2011) Better policies for better lives. The OECD at 50 and beyond. URL: <http://www.oecd.org/about/47747755.pdf>.
5. Назаретян А. П. Вызовы и перспективы цивилизации: станет ли эволюция на Земле космически значимой? // Вопросы философии. — 2018. — № 5. — С. 99—110.
6. Jonas H. The Imperative of Responsibility. In Search of an Ethics for the Technological Age. — Chicago % London: The University of Chicago Press, 1984. — 255 p.
7. Фоменко Г. А. Управление природоохранной деятельностью: Основы социокультурной методологии. — М.: Наука, 2004. — 390 с.
8. Вебер М. Политика как призвание и профессия. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.
9. Введение в философию ответственности / под общ. ред. А. И. Ореховского. — Новосибирск: СибГУТИ, 2005. — 186 с.
10. Skinner B. F. About behaviorism. — New York: Alfred Knopf, 1974.
11. Skinner B. F. The behavior of organisms. — New York: Appleton Century Crofts, 1938.
12. Smith J. Strategies to position behavior analysis as the contemporary science of what works. The Behavior Analyst. — 2015.
13. Whitehead A. N. Process and reality. — New York: Simon % Schuster, 2010.
14. Mullins L. J. Management and organizational behaviour. — London: Pitman, 1985.
15. von Weizsaecker E., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. — Springer, 2018. — 220 p.
16. Daly H. Economics in a full world // Scientific American. — 2005. — September. — P. 100—107.
17. Capra F., Luisi P. L. The Systems View of Life: A Unifying Vision. — Cambridge University Press, 2014.
18. Философский энциклопедический словарь. 2010.
19. Фоменко Г. А. Профилактика телеологических конфликтов в управлении природоохранной деятельностью на устойчивой основе // Хартия Земли — практический инструмент решения фундаментальных проблем устойчивого развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 15-летию реализации принципов Хартии Земли в Республике Татарстан (Казань, 27—28 октября 2016 г.). — Казань: Татар. кн. изд-во, 2016. — С. 63—69.
20. The System of Environmental-Economic Accounting 2012 — Central Framework. — United Nations New York, 2014. URL: http://unstats.un.org/unsd/envaccounting/seeaRev/SEEA_CF_Final_en.pdf.
21. Фоменко Г. А., Фоменко М. А., Лошадкин К. А., Михайлова А. В., Арабова Е. А. Эколого-экономический учет в рациональном природопользовании. Теория и практика / Науч. ред. Г. А. Фоменко. — Ярославль: АНО НИПИ «Кадастр», 2017. — 530 с.
22. Будущее, которого мы хотим: итоговый документ Конференции ООН по устойчивому развитию (20—22 июня 2012 года). URL: https://rio20.un.org/sites/rio20.un.org/files/a-conf.216-1-1_russian.pdf.pdf.
23. Hofstede G. Culture's consequences: Intern Differences in work-related volues. — Beverly Hills, L., 1980.
24. Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. — Princeton, N. J.: Princeton Univ. Press, 1990.
25. Inglehart R. Modernization and post modernization: Cultural economic and political change in 43 societies. — L.: Princeton; N. J., Princeton University Press, 1997. — 168 p.
26. House R., Hanges P. (Cultural influences on Leadership and Organizations. Project GLOBE // Advances in Global Leadership. — 1999. — Vol. 1. — P. 171—233.
27. Фоменко Г. А. Социокультурное измерение развития природоохранных институтов. — Ярославль: Институт «Кадастр», 2014. — 95 с.
28. Фоменко Г. А. Институциональные ограничения и регламентации управления природоохранной деятельностью // Проблемы региональной экологии. — 2012. — № 6. — С. 208—216.

ENVIRONMENTAL MANAGEMENT: EVOLUTION OF INSTITUTIONAL CHANGES. PART 2

G. A. Fomenko, Ph. D. (Geography), Dr. Habil, Professor, Research and Designing Institute "Cadaster", Yaroslavl State Technical University, info@nipik.ru, Yaroslavl, Russia

References

1. Nazaretyan A. P. Nelinejnoe budushchee. Megaistoriya, sinergetika, kulturnaya antropologiya i psihologiya v globalnom prognozirovanii. [Nonlinear future. Megahistory, synergetics, cultural anthropology and psychology in global forecasting]. Moscow, Argamak-Media. 2017. [in Russian].
2. The Global Risks Report 2018, 13th Edition, is published by the World Economic Forum. Geneva, 68 p.
3. Beck U. Risk society. Towards a New Modernity. Social Science, 1992. 260 p.
4. OECD. Better policies for better lives. The OECD at 50 and beyond. 2011. Available at: <http://www.oecd.org/about/47747755.pdf>
5. Nazaretyan A. P. Vyzovy i perspektivy civilizacii: stanet li evolyuciya na Zemle kosmicheski znachimoy? [Challenges and prospects of civilization: will evolution on Earth become cosmically significant?]. *Voprosy filosofii*, No. 5, 2018. P. 99–110. [in Russian].
6. Jonas H. The Imperative of Responsibility. In Search of an Ethics for the Technological Age. Chicago % London: The University of Chicago Press, 1984. 255 p.
7. Fomenko G. A. Upravlenie prirodoohrannoy deyatel'nostyu: Osnovy sociokulturnoy metodologii. [Environmental Management: A Socio-Cultural Methodology]. Moscow, Nauka, 2004. 390 p. [in Russian].
8. Weber M. Politika kak prizvanie i professiya. Izbrannye proizvedeniya. [Politics as vocation and profession. Selected works]. Moscow, Progress, 1990. 808 p. [in Russian].
9. Vvedenie v filosofiyu otvetstvennosti. [Introduction in philosophy of responsibility]. Ed. Orehovskiy A. I. Novosibirsk: SibGUTI, 2005. 186 p. [in Russian].
10. Skinner, B. F. About behaviorism. New York: Alfred Knopf, 1974.
11. Skinner, B. F. The behavior of organisms. New York: Appleton Century Crofts, 1938.
12. Smith, J. Strategies to position behavior analysis as the contemporary science of what works. *The Behavior Analyst*, 2015.
13. Whitehead, A. N. Process and reality. New York: Simon % Schuster, 2010.
14. Mullins L. J. Management and organizational behaviour. London, Pitman, 1985.
15. von Weizsaecker E., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Springer, 2018. 220 p.
16. Daly H. Economics in a full world. *Scientific American*, September, 2005. P. 100–107.
17. Capra F., Luisi P. L. The Systems View of Life: A Unifying Vision. Cambridge University Press, 2014.
18. Filosofskij enciklopedicheskij slovar. [Philosophical encyclopedic dictionary]. 2010. [in Russian].
19. Fomenko, G. A. Profilaktika teleologicheskikh konfliktov v upravlenii prirodoohrannoy deyatel'nost'yu na ustojchivoj osnove. [Prevention of teleological conflicts in environmental management on a sustainable basis.]. *Hartiya Zemli — prakticheskij instrument resheniya fundamental'nyh problem ustojchivogo razvitiya: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 15-letiyu realizacii principov Hartii Zemli v Respublike Tatarstan*. Kazan, Tatar publishing house, 2016. P. 63–69. [in Russian].
20. The System of Environmental-Economic Accounting 2012 — Central Framework (2014). United Nations New York. Available at: http://unstats.un.org/unsd/envaccounting/seeaRev/SEEA_CF_Final_en.pdf
21. Fomenko G. A., Fomenko M. A., Loshadkin K. A., Mikhailova A. V., Arabova E. A. Ekologo-ekonomicheskij uchet v racional'nom prirodopolzovanii. Teoriya i praktika. [Environmental economic accounting in environmental management. Theory and practice]. Sc. ed. Fomenko G. A. Yaroslavl, Cadaster Institute, 2017. 530 p. [in Russian].
22. Future we want: Outcome document of the UN Conference on Sustainable Development. June 20–22, 2012.
23. Hofstede G. Culture's consequences: Intern Differences in work-related values. Beverly Hills, L, 1980.
24. Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton, N. J.: Princeton Univ. Press, 1990.
25. Inglehart R. Modernization and post modernization: Cultural economic and political change in 43 societies. L.: Princeton; N. J., Princeton University Press, 1997. 168 p.
26. House R., Hanges P. Cultural influences on Leadership and Organizations. Project GLOBE. *Advances in Global Leadership*, Vol. 1, 1999. P. 171–233.
27. Fomenko G. A. Sociokulturnoe izmerenie razvitiya prirodoohrannykh institutov. [Socio-cultural dimension of development of environmental institutions]. Yaroslavl, Cadaster Institute, 2014. 95 p. [in Russian].
28. Fomenko G. A. Institucionalnye ogranicheniya i reglamentacii upravleniya prirodoohrannoy deyatel'nostyu. [Institutional restrictions and regulations of environmental management]. *Problemy regionalnoj ekologii*, No. 6, 2012. P. 208–216. [in Russian].